

ОН — МОЙ
САМЫЙ БОЛЬШОЙ
СТРАХ.

И МОЯ
ЕДИНСТВЕННАЯ
СЛАБОСТЬ.

PHOENIX ARM

БРАТ ВНУТРИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОРФИ

18+

Морфи С

Враг внутри

«Автор»

2026

С М.

Враг внутри / М. С — «Автор», 2026

Она привыкла доверять только тем, кто прикрывает её спину. Ангелина потеряла жениха во время операции КТЦ. После этого она ушла из спецподразделения, пытаясь оставить прошлое там, где оно должно было остаться. Но прошлое возвращается — вместе с людьми, которым нельзя доверять, тайнами внутри собственной команды и именами, которые Ангелина никогда не ожидала увидеть в одном деле. Единственный человек, который может помочь ей докопаться до правды, — Диего. Глава организации, связанной с оружейным бизнесом. Человек, которому она не должна доверять. Между ними слишком много недосказанности, чтобы назвать их отношения простыми. Слишком много секретов, чтобы назвать их безопасными. Чем ближе Ангелина подбирается к правде о смерти Ивана, тем яснее становится одно: предатель всё это время был рядом. И самое страшное — она уже не уверена, что знает, кто враг. Даже если этот враг — она сама.

© С М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	19
Глава 5.	22
Глава 6.	26
Глава 7.	29
Глава 8.	32
Глава 9.	36
Глава 10.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Морфи С

Враг внутри

Глава 1.

Чёрный минивэн мягко остановился у руин заброшенного алюминиевого завода. Никто не говорил, кто-то в последний раз проверял магазин автомата, а кто-то поправил гарнитуру. До начала штурма оставалось меньше минуты.

Отряд из восьми человек готовился к высадке. Иван, сапёр отряда, коротко коснулся щеки Ангелины и уже через минуту бойцы покидали минивэн друг за другом в отработанном темпе. На каждом камуфляж, бронежилет и тяжёлые берцы.

Контртеррористический центр (КТЦ) двенадцать часов назад зафиксировал захват заложника. Противник — вооружённая группировка. Нелегалы, торгующие оружием. Сутки назад задержан Захар Романов — брат лидера банды. Их ультиматум — обмен Романова на заложника. Регион — север. Сорок пять километров от Архангельска.

Ангелина.

Мы заходили на территорию завода бесшумной цепочкой. Вокруг стояла такая тишина, что казалось, даже ветер обходил это место стороной. Только битое стекло тихо хрустело под ногами.

У главного входа ни души, но так не бывает. Либо они настолько уверены в себе, либо это ловушка.

Пройдя чуть дальше я заметила впереди развилку. Мои глаза напряглись, руки были готовы принять отдачу автомата. Я вывернула за угол и замерла, удерживая сектор на прицеле.

— Держу.

Сердце заколотилось где-то в горле, но я загнала это ощущение туда, где ему было место, — под замок в дальний угол. В бою страх это сигнал, который я старалась сразу заглушить.

Прижимая наушник, я ровно проговорила командиру:

— Доц, здесь слишком тихо.

Пауза длилась ровно две секунды и мои пальцы успели сильнее сжать цевьё автомата. Это было единственным способом почувствовать, что я пока держу ситуацию.

— Продолжайте операцию. — слегка нервно проговорил Бизон из здания КТЦ. — Пришла информация, что ещё одна машина подъехала час назад с запада.

— Продолжаем. — Коротко бросил капитан и мы двинулись глубже.

В нос ударил запах машинного масла и мой взгляд снова скользнул по бетону. Я заметила свежий след протектора. Чёткие, глубокие бороздки, будто кто-то проехал здесь минуту назад и даже не пытался прятать следы.

Брови невольно нахмурились, а в голове мелькнула мысль о том, что я не хочу, чтобы Ваня шёл первым. Я тут же едва заметно тряхнула головой, прогоняя мысли. Нельзя сейчас думать о нём. Можно только прикрывать его спину.

Мы быстро втянулись в узкий проход. Азиям держал фронт, а я шла последней и скользила взглядом по углам.

Один из них не давал мне покоя. Приоткрытая дверь слева. Ну уж слишком небрежно для этих ребят.

Впереди открылся внутренний двор. Над головой скользило серое небо, которое уже давно выцвело от холода. Я стремительно продвигалась вдоль бетонной стены, а глаза продолжали цепляться за детали. В углу тускло блеснула свежая стреляная гильза. Почти одновре-

менно наверху что-то мелькнуло. Тень. Какое-то движение. В голове всё мгновенно сложилось в одну безжалостную картину.

Нас ждут.

— Засад... — начала я, но закончить не успела.

Первый взрыв ударил по ушам и встряхнул воздух. Я автоматически прикрыла голову руками, чуть приседая вниз. Сверху до меня доносились чьи-то крики, которые сразу же перекрывались треском выстрелов.

Видимость ухудшалась с каждой секундой. Пыль и бетонная взвесь повисли в воздухе плотной пеленой. В наушнике прорывались обрывки команд, искажённые помехами.

— От...им!

Я бросилась к укрытию, краем глаза замечая, как кто-то из наших падает. Совсем рядом зазвучали крики. Кто-то ранен. Мои глаза нервно бегали по тем фигурам, которые я различала, но я не видела главной.

Господи... лишь бы не Ваня.

Через полминуты сообщили новость и моя рука чуть дрогнула.

— Доц мёртв!

Голос в наушнике ударил наотмашь. Командира убрали первым. Точно. Расчётливо. Они знали, с кого начать, чтобы посеять хаос. На мгновение мир стал плоским, но потом я сжала зубы так, что заныли челюсти.

У меня секунда на оценку обстановки и ещё одна на решение. Голос сам вырвался наружу:

— Отступаем налево. Бизон, нужны медики. Заложник не обнаружен.

Никто не переспросил. Группа сразу сместилась налево. Сквозь желтоватую муть пыли мелькнуло движение наверху. Очертание головы. Тут же прицелилась и нажала на спуск. Фигура исчезла.

Я быстро сформулировала новый приказ для снайпера.

— Кэс, прикрывай сверху, двигаемся по одному. Я замыкаю.

Заканчивая, я сорвала чеку на дымовой гранате и швырнула её вперёд. Дым закрыл двор, и это наш шанс.

Из пыли вдруг вынырнул Ваня и наши взгляды встретились на долю секунды. Я облегчённо выдохнула, а он сорвал со своего уха наушник.

— Я прикрою отступление. Уйдём вместе!

Я коротко кивнула и вышла из-за угла. Тут же в нескольких сантиметрах от головы просвистела пуля. Чуть вздрогнув, я навела автомат на боевика, но он упал раньше, чем я успела нажать на спуск.

— Спасибо. — Я снова прижала наушник, обращаясь к Кэсу.

И тут сквозь шум выстрелов прорвался отчаянный крик. Я бросилась на звук, практически ничего не видя дальше своего носа. В соседней комнате я разглядела молодого парня, прижатого массивной плитой. Заложник.

Не успев сделать ещё шаг, Ваня схватил меня за запястье.

— Нет! У нас нет времени!

Я дёрнулась, но он держал крепко. В глазах у него читалось то, что я запрещала себе чувствовать. Паника.

— Я вытащу его!

Мой голос сорвался на крик, и я возненавидела себя за это. Нельзя кричать. Нельзя показывать, что меня трясёт. Дальше уже ровным голосом, я продолжила:

— Я не могу его оставить. Это наша цель.

Ваня колебался всего секунду. Он знал, что если мы пойдём туда вдвоём, то можем не вернуться.

Секунда. Ещё одна. И он коротко кивнул, резко оттолкнув меня назад. Я успела только обернуться и увидеть яркую вспышку. Второй взрыв ударил сильнее, чем первый.

Звук исчез, а в ушах завис пронзительный писк. Ударная волна прокатилась по округе, сбивая с ног. Я упала, чувствуя, как по телу ударили камни. Стена рушилась, погребая под собой парня и Ваню.

Я попыталась подняться, но ноги не послушались. Кто-то схватил меня под руки и я начала вырываться, не понимая кто это. В глазах стояла густая пыль. Как только мы переступили порог в лёгкие попал свежий воздух, а помещение окончательно сложилось.

— Не-ет! — Я срывала голос в протяжном крике, но даже не слышала его. — Отпустите! Мы должны им помочь!

Я вырывалась, отталкиваясь ногами от земли, но сильные руки тащили меня назад буквально по воздуху.

Приказ уже отдан. Отступление. Возвращаться бесполезно. Вместо комнаты — там груда бетона. Но голос сердца громче, чем голос разума.

Меня оттащили ещё на несколько метров, а потом я сама начала перебирать ногами в сторону машины. Пули просвистели рядом, глухо, как удары хлыста. Мы бежали, как собаки с поджатыми хвостами, и я ненавидела эту картину, но не могла её изменить. Слух ещё не вернулся, но мозг дорисовывал звуки. Вероятно, меня слегка контузило, потому что я перестала различать ориентиры и меня затолкали в минивэн. Тут же я почувствовала, как машина тронулась.

В лёгких не осталось места, а в горле встал ком, который я пыталась проглотить. Жадно хватала воздух ртом, но вдохнуть полной грудью не получалось. Взглядом я пыталась уловить хоть какое-то движение в заднем стекле. Надеюсь заметить его, но мы только уезжали с каждой секундой всё дальше, не имея возможности им помочь.

Через секунду завод пропал из вида. Просто исчез за поворотом и я развернулась в салон. В нём стояла гробовая тишина, тихий писк в ушах делал эту картину ещё страшнее. Глазами я бегала по лицам коллег, пытаясь найти поддержку, но так и не находила её. Нас осталось всего четверо.

Я оставила Ваню там и не могла перестать представлять, как он зовёт меня.

Штаб КТЦ.

Я находилась на грани уже несколько часов. Информации нет, операция провалена. Капитан, с которым я работала четыре года, мёртв. Заложника не удалось спасти. Где-то глубоко внутри ещё живёт надежда, что Ваня жив. Что он лежит сейчас в одной из больниц Архангельска с кучей трубок, но живой. Слёз нет, я не могу лить их по его смерти. Он ещё не мёртв...

«Он ещё не мёртв», — мои единственные мысли за последние двадцать четыре часа. Он должен умереть со мной. В окружении наших детей и внуков. Когда-нибудь. Но точно не сегодня.

Руки тряслись так, что я спрятала их в карманы, сжимая кулаки до побеления костяшек. Я не могла смотреть на эту предательскую дрожь. Время текло странно, часы сжимались в секунды, а каждая секунда растягивалась в вечность. Перед глазами снова и снова вставал завод, а мозг безжалостно дорисовывал то, чего я не видела: Ваню под грудой бетона — неподвижного и холодного. Вина сидела внутри, она царапалась, как острый осколок. За мою настойчивость. За то, что сама отдала этот приказ. Вот в чём была самая жестокая ирония. Я сама сказала: «Отступаем», и теперь это слово застряло в моей голове.

Меня мучило. Не знаю от чего, от того, что я не ела больше суток, или от того, как быстро реальность превратилась в кошмар. Я закрыла глаза, прижав ладони к векам, будто так можно было стереть картинку, но она не стиралась.

Спустя ещё несколько часов в раздевалку зашёл крупный седой мужчина в синей форме. Он молча кивнул, приглашая в коридор. Бизон хотел поговорить отдельно. Я шла за ним, вце-

пившись взглядом в его спину, как в спасательный круг. Мне нужно было услышать хоть что-то хорошее. Хоть одно слово, которое отменит всё, что произошло.

В коридоре я привалилась к стене, переминаясь с ноги на ногу. Ноги казались чужими.

— Ангелина. — Бизон сделал паузу и шумно втянул воздух. Он подбирал слова, но хороших слов не существовало. — Все тела найдены... Выживших нет.

Я несколько секунд переваривала его слова, вглядывалась в его лицо, ища хоть какой-то знак, что он шутит. Но он не шутит. Я быстро заморгала, чтобы не зареветь.

— Нет... нет... — прошептала я, скорее себе, чем кому-либо.

Мой мир просто выключился. На долю секунды исчезла опора, и я покачнулась. Потом сползла по стене, не чувствуя ни холода бетона, ни собственных коленей. Бизон стоял молча, смотря куда-то сквозь.

— Ангелина...

Я не слышала ни его, ни своих мыслей. Не чувствовала ничего, кроме одной жестокой правды. Всё, что я строила как своё будущее, закончилось сегодня.

Здесь. В этом коридоре.

Ветер завывал на пустыре, поднимая несколько снежинок в воздух. Я поёжилась и спрятала нос глубже в шарф. Проститься с Ваней приехали десятки офицеров, несколько друзей и его мама, Наталья. Она стояла рядом и держала меня за оледеневшую руку, подрагивая каждые несколько секунд. Она не могла сдерживать слёзы, а я всё так же, не отрывая взгляд, смотрела на деревянную коробку перед собой.

Почётный караул около него стоял неподвижно. Оркестр тянул марш, и этот звук въедался в уши, как скрежет металла. Я зажмурила глаза, сильнее сжав руку Натальи.

Для них это просто служба. Для меня — то, как у меня забирают жизнь.

Пожилой мужчина проступил вперёд и низким голосом начал речь. Офицер Уманов, я уверена, каждому говорит одно и то же на похоронах. С наигранным сочувствием он произносил прощальные слова, но я уже не слушала, о чём он говорил.

Потому что гроб начали медленно опускать. Закрыв глаза, я мысленно начала провожать его. Не верю, что это происходит на самом деле. Ещё неделю назад я засыпала у него на груди, а теперь между нами несколько метров земли... Но его там больше нет.

Он ушёл, не оставив мне ни ответа, ни даже намёка, как теперь жить дальше. Он отправился дальше. Туда, где нет боли и жестокости. Это единственное, что меня успокаивало.

Не смотря на смерть Вани, КТЦ в первую же неделю вызвал меня на разбор операции. Она была с треском провалена и я не ждала никаких сочувствующих взглядов. Им плевать. Для них — он просто отдал долг родине. Я скривилась от отвращения, которое застряло в моём горле после этой мысли. Дождь хлестал по окнам, отчаянно пытаюсь смыть всё, что случилось. Я шла туда, как на допрос, где заранее виновата.

В комнате пахло кофе и чужой уверенностью. Никто не смотрел мне в глаза. Только на экран. Кадры с дрона бегали по кругу. Сухие и безжалостные. Камера не знала, что такое страх. Она просто фиксировала.

Полковник сидел неподвижно, будто сам был частью этой картинки. Рядом ёрзал аналитик, щёлкал колпачком ручки, и этот звук раздражающе царапал виски. Третий, молодой капитан из штаба, делал пометки, старательно не поднимая взгляда.

Прокрутив запись до момента, где я бежала к заложнику, полковник спросил:

— Почему приняли это решение?

Я сжала кулаки. Ответ на этот вопрос был настолько очевиден, что это звучало даже абсурдно:

— Целью был заложник. Мы не имели права его бросить.

— Почему тогда взяли на себя командование?

Аналитик щёлкнул колпачком ещё раз. И ещё.

Я повернула голову в его сторону и он дёрнулся, будто только сейчас заметил, что я вообще здесь.

Я держусь. Пока что.

— Потому что обстановка требовала немедленного вмешательства. Если вы хотите услышать, что я должна была стоять и смотреть, как человек задыхается под плитой, то я не скажу этого. Ни сейчас, ни когда-либо.

Аналитик замер с колпачком в пальцах. Молодой капитан перестал строчить и поднял глаза. Полковник чуть наклонил голову, и это было его единственное движение за всю встречу. В их глазах не было жалости ни ко мне, ни к заложнику. Только осуждение за мои резкие слова.

— Почему вы не отдали другой приказ? — снова полковник.

Его голос стал чуть ниже. В нём слышалась холодная усталость человека, который привык раскладывать чужую боль на пункты.

На экране замер кадр, где я бежала к плите, а Ваня схватил меня за запястье. Одна секунда. Решающий миг, который они теперь разбирали на атомы. За который я отдала бы всё, чтобы вернуться назад.

Полковник медленно перевёл взгляд с экрана на меня.

— Если бы вы не побежали к заложнику, Иван был бы жив.

Слова прозвучали настолько резко и бестактно, что меня будто ударили в грудь. Дыхание замерло, а в ушах задолбил звук биения сердца. Прошли несколько секунд молчания, прежде чем я смогла снова вдохнуть воздух. В груди что-то оборвалось, и на этот раз я не стала давить это чувство.

Мой голос сорвался, но я не опустила глаз.

— Вы сидите тут, смотрите на эти кадры, щёлкаете ручками и раскладываете секунды, как будто это шахматная партия. Я была там. Я слышала, как он кричал. Чувствовала, как пыль оседает на коже. Видела глаза Вани, когда он отталкивал меня назад. Я не стану оправдываться за то, что пыталась спасти человека.

Я закрыла глаза, чтобы подавить слёзы, и уже чуть тише продолжила:

— Даже если это стоило мне всего.

Молодой капитан нервно поправил папку, а аналитик наконец перестал щёлкать. Он держал колпачок, глядя куда-то в стол. Только полковник остался неподвижен.

— Это не оправдание. — также спокойно произнёс он.

— Я и не оправдываюсь. — громко выдохнула я. — Если для вас это ошибка, то пусть будет ошибка. Только не пытайтесь делать вид, что знаете, каково это. Стоять там, когда рушится весь твой мир.

Я резко встала. Стул громко скрипнул и чуть не опрокинулся. Кивнула, но не им, а самой себе, чтобы удержать дрожь и развернулась к двери.

За спиной осталась тишина, в которой слышалось одно: «Ты виновата».

Впереди пустой коридор и тяжёлое решение. Я больше не хотела быть частью этого. Пусть выносят любой вердикт. Мне всё равно. Я сделала то, что должна была.

Уход из КТЦ был болезненный. Я жила этой работой, стремилась к ней всю свою осознанную жизнь, но я больше не могла там находиться. Я отпустила хотя бы один слой этой боли, которая внутри разрывала меня на части.

Зато в квартире боль стояла стеной. Шкаф был полон его вещей, и я не могла их выкинуть. Мне нужна была иллюзия, что он просто вышел и скоро вернётся, что сейчас скрипнет дверь, он стряхнет с куртки дождь и спросит: «Ты опять не ела?». В один из вечеров я села на кровать, а за окном рванули хлопки. Тело дрогнуло, а сердце громче заколотилось в груди.

Это фейерверк. Это, чёрт возьми, просто фейерверк...

Со двора доносился смех детей. На часах было 00:00. Кто-то праздновал день рождения.

Кто-то зажигал огни, будто мир не рухнул. Будто не было завода и похорон. Я обхватила лицо руками, но слёзы больше не помогали. Они просто стекали, ничего не смывая. За окном гремело и смех не стихал.

Я больше не выдержу ещё одной такой ночи, когда весь город радуется, а я снова и снова вижу одну и ту же секунду.

Я поднялась, подошла к шкафу и распахнула дверцы. Стянула с вешалки его куртку и прижала к себе на долю секунды. Его запах почти исчез. Осталась только ткань, которая больше не грела.

Я сразу бросила её в коробку.

Сложила вещи механически. Коробка закрылась с глухим щелчком. Я поставила её в дальний угол, там, где темно. Там, где она не будет кричать мне, что он вернётся. После этого в квартире стало ещё тише.

Если я завтра не проснусь — мне крупно повезёт.

Глава 2.

Дни начинали сливаться. Утро отличалось от вечера только тем, как ложился свет сквозь щели в шторах. Блэк-аут ткань держала темноту плотно, будто специально, чтобы я не видела, во что превратилась комната. Повсюду валялся мусор вперемешку с грязной одеждой. Пакеты и пустые бутылки заполняли комнату, сдвигая стены ближе. Огромная квартира переставала казаться такой пустой. Так было легче. Так было не страшно. На голове образовалось гнездо. Колтуны больно тянули кожу головы, и я просто разрывала волосы, не заморачиваясь. Вокруг была только тишина, но она больше не успокаивала. Она давила, как бетонная плита, выжимая из меня последние силы.

Телефон вибрировал на полу. Экран вспыхивал и гас. Я не брала трубку. Не хотела слышать это проклятое: «Ты справишься». Как будто справиться — это просто встать и налить себе воды. Экран телефона был липким. Пальцы скользили по стеклу, и я даже не пыталась это вытереть. Не видела смысла.

В какой-то из дней на экране мелькнул кадр фильма: героиню уводили в палату, и двери за ней закрывались. Я слабо улыбнулась. В этом было что-то правильное. Правильно признать, что сама я уже не вытаску себя.

До меня, конечно, пытались добраться. В дверь стучали, но я не открывала. Боялась, что если кто-то увидит меня, то поймёт, что я сломалась. Это сначала ужалило, но потом вдруг стало прозрением. Так жить нельзя, но и не жить я не смогла. Эта мысль вцепилась в меня мертвой хваткой, и я не могла от нее избавиться, как ни старалась. Каждый день я обещала себе хотя бы открыть шторы. Потрясающий уровень амбиций.

В итоге я не выдержала. Сползла с кровати, не чувствуя ног. Пальцы дрожали, когда я вбила в поисковик три слова: _«Мне нужна помощь»_.

Мой палец несколько раз зависал над номером телефона, который я нашла в интернете. Я смотрела на него, боясь, что совершаю ошибку. Кладла телефон на место и тут же снова брала его. Выдохнув, я всё же набрала номер и впервые позвонила кому-то за три недели.

Через несколько дней я уже сидела в приёмной медицинского центра, сцепив руки так сильно, что побелели костяшки. Я так давно не выходила из дома, что забыла, как выглядит обычный день. Яркий свет резал глаза. Люди проходили мимо, администраторы говорили в телефоны. Повседневные звуки сливались в одну раздражающую меня кашу.

Из мыслей меня вырвал громкий голос:

— Ангелина, проходите, вас ожидают.

Я не подняла глаз. Несколько секунд смотрела на свои дрожащие руки, пытаясь собрать себя хотя бы на эти пять минут.

— Ангелина? — голос стал требовательнее.

Я резко поднялась и почти сразу скрылась за дверью пугающего меня кабинета. Тут же звуки почти стихли. Кабинет пах стерильностью, и я на мгновение почувствовала себя комфортнее.

— Здравствуйте, — ко мне обратилась женщина, которая сидела в кресле.

Я пробежалась глазами по комнате, цепляясь за любые детали, лишь бы не смотреть ей в глаза. Кабинет выглядел, как комната в чьем-то доме. На подоконнике стоял горшок с цветком.

— Присаживайтесь.

Я осторожно защёлкнула за собой дверь. Главное — не сбежать обратно. Если сейчас уйду, то больше сюда не приду.

Я тогда не знала, сколько раз ещё открою эту дверь.

Год терапии пролетел незаметно. За этот год я научилась многому. Например, снова мыть волосы. Это смешно, но в какой-то момент это было достижением. Я снова сидела в кабинете с

психологом. Ольга смотрела спокойно. Слишком спокойно. От этой манеры мне хотелось либо заплакать, либо сказать какую-нибудь грубость, лишь бы сбить эту идеальную тишину.

— Как прошла неделя? — она улыбнулась, как улыбаются людям, которых надо очень бережно держать, чтобы они не рассыпались.

Я пожала плечами. Это движение вышло каким-то дёрганным.

— Спокойно, — сказала я и тут же прикусила язык. Опять это слово.

Ольга чуть наклонила голову. Этот её взгляд я уже знала. Она что-то заметила. Я начала нервно ковырять пальцы на руках.

— Год назад слово «спокойно» вас раздражало.

— Да, — выдохнула я и уставилась на свои руки. Ногти были обкусаны почти до мяса. — Раньше спокойствие казалось предательством. Если я не страдаю — значит, мне не больно.

— А теперь?

Я молчала. Пыталась поймать мысль, а она ускользала.

— Теперь... — голос дрогнул. — Теперь я просто слишком устала злиться на тишину.

Она кивнула, не записывая. Меня почему-то это радовало. Значит, сегодня я была не очередным случаем.

— Если бы вы встретились год назад с той Ангелиной, что бы вы ей сказали?

Я закрыла глаза, сжимая руки в кулаки, чтобы скрыть дрожь.

— Я бы сказала, что она не виновата.

Ольга не кивала, не улыбалась. Просто смотрела. Ждала, пока я сама догоню свои слова.

— Легче говорить это тут, — буркнула я, отводя взгляд. — Здесь стены не кричат его голосом.

— А дома?

— Дома я хожу по кругу. Всё вокруг говорит о его присутствии. В коридоре лежит полка, которую мы не успели повесить, и запах... — я резко выдохнула воздух, будто хотела удержать слёзы. — Иногда я ловлю себя на том, что стою посреди кухни и жду, что сейчас хлопнет дверь и он зайдёт. Когда никто не заходит, мне становится так пусто, что хочется кричать. Потом стыдно, что мне хочется кричать из-за чашки.

— Вы храните квартиру как музей?

— Наверное, — прошептала я и вдруг усмехнулась, но смех вышел сухим. — Это глупо, да? Как будто если я всё оставлю, то он вернётся.

— Вы представляете своё будущее в ней?

Вопрос ударил несильно, но точно в самое больное. Я закрыла лицо руками, потянула волосы назад, чувствуя, как щёки горят от напряжения.

— Нет... — голос стал чужим. — Будущее... Я даже не знаю, как оно выглядит.

— Попробуйте просто представить, что завтра вы проснётесь не в этой квартире. Где-нибудь ещё. Что вы чувствуете?

Я не хотела это представлять. Это было как шаг в тёмную воду, но я попробовала.

— Мне страшно, — честно призналась я. — До дрожи. Но... — я запнулась, прислушиваясь к себе. — Но там я смогу просто вдохнуть. Без того, чтобы этот воздух был пропитан им.

— Это важная фраза, — тихо сказала Ольга. Впервые за весь сеанс её взгляд изменился.

— Но это же значит, что я убегаю, — прошептала я. Убегать было стыдно.

— Вы не убегаете от него, Ангелина. Вы пытаетесь вернуться к себе, — она дала мне чуть-чуть времени, чтобы я переварила слова. — Как вы думаете, чего бы он хотел?

Я вновь опустила веки, и на этот раз вместо боли пришло лицо Вани. Его дурацкая улыбка, когда он подначивал меня. Его голос, ворчливый и тёплый:

«Ты опять превращаешь жизнь в службу, Ангелинка. Забей. Живи, а не отрабатывай».

На губах сама собой появилась улыбка. Слабая, но настоящая.

— Он бы сказал, что я слишком упрямая. Что я строю из себя крепость, а сама уже рассыпаюсь изнутри.

Ольга кивнула:

— Тогда, возможно, ответ вы уже знаете.

Я глубоко вдохнула. Воздух застрял где-то посередине. Я подумала не о том, что потеряла, а о том, что ещё осталось.

— Моя двоюродная сестра живёт в Калифорнии, — слова вылетели сами, будто кто-то другой их сказал.

— Хотите ей позвонить?

Я ответила сразу:

— Да.

Через неделю я купила билет. Через две начала собирать вещи. Оказалось, что за несколько лет можно накопить целую жизнь, а вынести её из квартиры можно за несколько часов.

Последняя ночь в квартире тянулась, как бесконечное ночное дежурство. Я ходила по комнатам, почти не глядя по сторонам. Здесь уже почти ничего не осталось. Только голые стены, пустые полки и один чемодан в углу. Это всё, что я решила сохранить для переезда. Остальное я раздавала, продала или выкинула. Но шкаф... Шкаф я открыла в самом конце, когда уже казалось, что ничего нового увидеть невозможно.

На верхней полке, в самом углу, лежала стопка мелочей, которые давно потеряли всякую практическую ценность. Я достала их одну за другой, и с каждой вещью прошлое набрасывалось на меня, как волна, сбивая дыхание.

Сначала — билеты в кино. Потёртые, с загнутыми уголками. Мы ходили на какой-то боевик, который мне не понравился, а Ване очень даже. Он смеялся над моими комментариями про «нереалистичные перестрелки» и говорил, что в кино главное не реализм, а чтобы в конце всё было хорошо. В тот вечер всё и правда было хорошо.

Потом — список покупок, написанный его почерком. Кривые буквы, сокращения, которые понимала только я: «Молоко», «хлеб», «что-то вкусненькое». Самое обычное. Самое невыносимое. Казалось, что, если я буду долго смотреть на эти строчки, то я снова услышу его голос: «Ты точно не хочешь пиццу? Давай закажем». Я рыдаю над списком покупок. Прекрасно. Видимо, я теперь официально сошла с ума.

Чек на кольцо. Маленький, выцветший, но я помнила каждую цифру. Помню, как он прятал его в карман, нервничал, будто это не покупка, а что-то гораздо более важное. И оно было важным. Потому что даже когда я его сняла, оно не исчезло, оно стало частью меня, как шрам, который не болит, но всегда напоминает о том, что было.

И, наконец, письмо. Обычный белый конверт без марки. Я не сразу вспомнила, когда он его написал. Развернула тонкий лист и узнала почерк. Тот же, что и в списке, только более аккуратный, будто он старался:

«Если ты это читаешь, значит, я опять что-то натворил, и ты ушла в другую комнату злиться. Или мы поссорились из-за ерунды. Или я просто уехал на сутки, а ты не хочешь признаваться, что скучаешь. В любом случае я хочу, чтобы ты знала: ты — самое правильное, что у меня есть. Даже если мы спорим про еду. (И да, я всё ещё считаю, что пицца лучше салата, и однажды ты это признаешь). Даже если ты говоришь, что я слишком много болтаю. Даже если я забываю вынести мусор. Ты делаешь мой день нормальным. А нормальный день — это когда ты рядом. Прости, если я не говорю этого вслух так часто, как должен. Люблю тебя, малышка».

Я села прямо на пол, прислонившись спиной к шкафу, и сжала письмо в пальцах, чувствуя, как тонкая бумага мнётся под ногтями. Для кого-то это был мусор, а для меня — доказательство, что он действительно был.

Снаружи город жил своей обычной жизнью. Меня это бесило. Бесило, что только я страдаю. Вдалеке гудел мотор, ветер шевелил занавеску на кухне, а здесь, в этой пустой квартире, время будто остановилось. Завтра я подпишу документы, и эта квартира перестанет быть моей. Завтра я сяду в самолёт и улечу туда, где всё будет другим: тепло, океан, другой менталитет, другие люди. Но эти мелочи я не возьму с собой. Не смогу. Они слишком тяжёлые.

Осторожно, боясь повредить, я сложила письмо обратно в конверт, положила его поверх остальных вещей и закрыла дверцу шкафа. Щелчок замка прозвучал как финальная точка.

Я в последний раз оглядела комнату, выключила свет и закрыла за собой дверь.

Глава 3.

Ещё месяц назад я и не могла представить, что окажусь здесь. Другая страна. Даже другой воздух. Густой, тёплый, пахнувший океаном и цветами. Это будоражило что-то внутри меня, заставляя ускорить шаг.

«...За бортом прекрасная солнечная погода, +25...» — звучал голос бортпроводницы несколько минут назад в самолёте.

Я тащила за собой чемодан по аэропорту и оглядывалась по сторонам, пока английская речь сливалась в сплошной поток. Терминал остался позади, а впереди, размахивая руками, уже неслась София.

— Бог ты мой! Ты так изменилась! Волосы какие длинные! Сколько мы не виделись, лет десять?

Она буквально влетела в меня с объятиями — крепко, шумно, по-своему, не спрашивая, можно ли. Я на долю секунды замерла, привыкая к этому теплу, а потом обняла в ответ. Любая нотка напряжения после долгой разлуки мгновенно стёрлась. Год назад я бы испугалась собственной улыбки. Спрятала бы её, решив, что радоваться — значит предать, но сейчас я просто не стала её убирать.

София отступила на шаг, всё ещё держа меня за руки, и тут же снова затараторила:

— Как долетела? Почему так тепло одета? Смотри, как тут солнце жарит!

Тяжелая шерстяная кофта, которая еще час назад казалась спасением, теперь стала невыносимым грузом. Я потянулась, чтобы стянуть её, чувствуя, как одежда прилипает к коже, и невольно хмыкнула:

— Я из зимы шагнула прямо в лето. Даже не думала, что тут настолько жарко.

— Зато сразу видно, что ты моя сестра! — София расплылась в улыбке и махнула в сторону парковки. — Пошли, я тут с Райаном, он на заднем, чтобы я могла тебе город показать.

Я кивнула, и взгляд жадно заскользил по сторонам. Ярko-зелёные деревья, аккуратные дома, воздух пах солью и цветами. В Архангельске, когда самолёт улетал, всё ещё лежал снег, а здесь всё было таким живым и цветным. Внутри что-то дрогнуло в надежде, что я смогу впитать эту атмосферу и начать жить нормальной, счастливой жизнью.

София повернула голову в мою сторону и прикусила губу, сдерживая смех.

— У тебя такое дикое лицо...

— Я не могу поверить, что теперь буду жить тут.

— Теперь у тебя будет круглогодичное лето. Океан, купальники, коктейльчики!

Она воодушевлённо ускорила шаг, а я коротко кивнула себе и чуть сжала руку. Только бы через неделю не расплавиться...

У машины София распахнула дверь и открыла багажник. Я взялась за ручку, и та обожгла ладонь. Тихо выругавшись себе под нос, положила чемодан и скользнула на переднее сиденье.

Воздух внутри машины успел нагреться. София быстро тыкнула на кнопку кондиционера и пристегнулась. Райан уже сидел сзади, спокойный и с лёгкой улыбкой.

Когда я обернулась, он протянул руку:

— Быстро вы. Привет.

— Ангелина, — пожала руку.

Акцент всё ещё проскальзывал, но английский был мне почти родным. Я мельком посмотрела на него и решила уточнить:

— Вы встречаетесь?

Райан только начал отвечать, но София его перебила:

— Не-ет, мы просто тусуемся. — она с нетерпением продолжила. — Слушай, можем сначала заехать к тебе, а потом в крутой бар, если ты не против?

Потупив взгляд, я посмотрела в окно. Честно, я против. Хочется в душ, смыть с себя этот мерзкий пот, упасть на кровать и ни о чём не думать. Но тишина сейчас опаснее любой болтовни. Рядом София, та самая, которая болтает без умолку, и в её болтовне не было ни жалости, ни осторожных пауз. С ней можно просто быть собой. К тому же я не собираюсь менять один закрытый гроб на другой.

— Не против, — резко выпалила я, боясь, что могу отказаться.

София радостно взвизгнула, а Райан закатил глаза и легонько толкнул её в плечо:

— Этот бар крутой только потому, что его нашла ты. Единственный плюс — там недорого за пиво. — он протягивал с пола бумажный пакет с бутылкой вина: — Будешь?

Я восприняла это не как попытку забыться, а как разрешение просто провести вечер с людьми. Смеяться над ерундой и не объяснять, почему глаза иногда становятся пустыми.

Я кивнула:

— Давай, — сказала и поймала себя на том, что мне правда хочется этого вечера.

София тут же заёрзала на сиденье:

— О-о, это будет круто! Я так мечтала сходить с тобой в такое место. Мы наденем самые крутые платья и будем рассказывать друг другу истории. Ты так давно ничего не рассказывала... Даже не знаю, где ты училась, где работала. Чем ты вообще занималась в России?

Вопрос прозвучал легко. Ответа на него у меня не было. Как минимум настоящего точно. О работе говорить нельзя. Для них моя жизнь была совсем другой, и Ваня в ней погиб в обычной аварии.

Я пожала плечами, глядя в окно, чтобы не встречаться с ней взглядом:

— Да так, в офисе сидела, бумажки перебирала. Ничего интересного.

В стекле мелькнула огромная статуя — обнажённая девушка с поднятыми руками.

— «Честность прекрасна», — спокойно сказал Райан, уловив мой взгляд. — Семнадцать метров. Из-за неё тут все спорят. Одни кричат, что это искусство, другие, что детям такое видеть не надо.

— Если это балерина, то она должна быть одета, — передразнила кого-то София, кривляясь, и смех вырвался сам собой.

Дальше София продолжила рассказывать обо всём подряд.

— Тут есть всё: кофейня, аптека, магазин, даже йога-студия, если вдруг захочешь. Дома здесь одинаковые, но каждый выкрашен в свой цвет. Смотри, вон твой — нежно-голубой. Как будто из открытки.

Я прижалась лбом к стеклу:

— Ого... — Мои брови поползли к переносице. — Это не слишком роскошно за те гроши, что я заплатила?

— На самом деле — да. Тебе нереально повезло. Я даже думала, когда ездила на просмотр, забрать эту квартиру себе, а тебя поселить в свою. — Она снова захихикала, выходя из машины.

Она схватила меня за руку и потащила к подъезду, подпрыгивая на каждом шагу.

— Ты как ребёнок, ей-богу, — пробормотала я, но сама невольно улыбнулась.

На втором этаже София распахнула дверь, и мы ввалились внутрь. Дверь захлопнулась, отрезав нас от уличного шума.

Квартира была крошечной, но именно эта теснота мне нравилась. Здесь не было больших пространств, в которых я могла почувствовать себя одиноко.

Райан зашёл следом и тут же начал оглядываться:

— Серьёзно? За такие деньги? Это как выиграть в лотерею.

Я бросила ключи на узкую полку, и они звякнули слишком громко. Над полкой висело зеркало с подсветкой. В нём я увидела себя: бледную, с тёмными кругами под глазами, с воло-

сами, прилипшими к шее, но кое-что мне всё-таки понравилось. В глазах уже не было той глухой пустоты, что раньше.

София схватила меня за плечи и развернула к окну:

— Смотри! Из окна видно центр города! Это же лучший вид на закат!

Я подошла ближе. Комнату заливал тёплый свет, стены были светло-бежевого оттенка, и от этого становилось как-то спокойнее. Здесь никто меня не знал. Я могла начать заново, без чужих ожиданий.

Я поставила чемодан в угол и наткнулась на удивлённый взгляд Софии:

— Тебе ведь должны привезти остатки вещей, да?

Я покачала головой и улыбнулась:

— Нет. Это всё.

— Что?! — Она вытаращилась на меня, как на инопланетянку. — Ты что, взяла только один чемодан?

Райан хмыкнул:

— Учись. Ты только в отпуск летаешь с тремя.

— Ну хватит... — легонько и шуточно толкнула его в плечо. — У меня были платья, но я их не взяла. Думала, куплю что-то новое уже тут. — Я нагло врала, пытаюсь успокоить Софию.

— Вот и купим! Завтра обязательно в торговый центр! — София уже размахивала руками, как дирижёр. — Ты же девочка! Что ты вообще носишь?

Не дожидаясь ответа, она присела возле моего чемодана, расстегнула молнию и вытащила первые попавшиеся штаны:

— Ясно... Теперь я поняла твой диагноз. Ты пацанка. Ходишь в мешках, скрывая шикарную фигуру. Ох... Пусть свыше pošлют человека, который избавит тебя от комплексов.

Я закатила глаза. Ну конечно. Для полного счастья мне действительно не хватало модного приговора. Какие комплексы? Просто в моей прошлой жизни удобная одежда была важнее красивой.

— Да хватит уже.

— Ладно-ладно, не кипятись, — София театрально вздохнула, приложив руку к затылку.

Райан фыркнул, отвернувшись, чтобы не рассмеяться в голос. Махнув рукой, я пошла в ванную.

Когда я вышла по квартире уже стучали каблук, София уже кружилась по комнате на шпильках, как по подиуму. Я невольно залипла на эту картину.

— Знаешь, я бы так не смогла, — призналась я, глядя, как она плавно поворачивает. — Сразу бы упала.

— Значит, будем учиться падать красиво! — София подмигнула и вильнула бедром.

Покачивая головой, я прошла к чемодану. В итоге надела тёмно-серые джинсы и белый топ. Волосы выпрямила. Мои тёмные пряди легли ровно, почти до ягодиц.

Глядя в зеркало, я поймала себя на мысли, что я ведь всё ещё здесь. Под формой, под усталостью, под всем этим всё ещё оставалась я.

— Мда-а, насчёт крутых платьев в баре я, конечно, поторопилась, — София покачала головой, но без осуждения, только с весёлым прищуром.

Я слегка нахмурилась.

— Поехали, — сказала я, пройдя к выходу и сзади послышался стук каблуков.

Солнце уже полчаса как село, и город раскрылся по-новому. Жёлтые фонари рассыпались по улицам, как гирлянды. Мы отъезжали от центра, и высотки постепенно сменялись тихими улицами.

— Вы меня решили вывезти в лес и закопать?

— О, поверь, София тебя убьёт разговорами. Растянет удовольствие на всю дорогу, — Райан, откинувшись на спинку сиденья, хохотнул, глядя в окно.

— Заткнись, пока не поздно! — театрально рявкнула София.

— Я буду не против, если ты заткнёшь меня своими губами, — Райан ухмыльнулся.

София резко подняла брови:

— С ума сошёл?!

Они вечно подкалывали друг друга, спорили, бросались шутками, и в этом шуме не было места тишине, которая раньше так пугала. Машина остановилась. Перед нами стояло одноэтажное деревянное здание, слегка покосившееся, с тусклой вывеской «Red Horse».

Оно выглядело как избушка из фильма ужасов.

— Это и есть «крутой бар»? — я приподняла бровь. — Боюсь представить, какие у вас тут худшие места.

— Я же говорил.

Райан раскинул руки и прошёл ближе. София только тряхнула волосами:

— Зато там отличный бурбон, и никто не будет смотреть на нас косо.

— Обнадёживает, — тихо пробормотала я.

Райан открыл дверь и сделал театральный жест:

— Леди, ваш выход.

Если первое приключение в новой стране начинается в баре, похожем на декорацию к фильму ужасов, значит, скучно точно не будет.

Глава 4.

Мы заняли столик подальше от стойки. Я села так, чтобы спина упиралась в стену, а зал лежал передо мной как на ладони. Вокруг была полутьма. Довольно громкая музыка ритмично отдавалась в груди. В баре было два зала: один для выпивки, другой — для еды. София с Райаном были прямо напротив меня. Она положила сумочку на диван.

— Пойду закажу нам пиво. — София вскочила и пошла к бару, отстукивая каблуками по деревянному полу чёткий ритм.

— Только не бери мне много! — прокричала я ей вслед.

Райан чуть наклонил голову, с интересом осматривая моё лицо. Я смутилась и опустила голову на наш столик.

— А вы совсем не похожи...

— Ну... мы не родные. Это неудивительно, — мой голос прозвучал чуть грубо, и я одёрнула себя, натягивая улыбку.

Он улыбнулся мне в ответ.

— Ну, а как тебе город?

Я усмехнулась и, пожав плечами, огляделась вокруг.

— Подозрительно много людей улыбаются незнакомцам. После России кажется, что они умалишённые.

Он рассмеялся и после между нами повисло неловкое молчание. Мои пальцы чуть нервно отбивали ритм по деревянному столу. В голове мелькали темы, на которые можно было поговорить с ним пока нет сестры.

— А вы с Софией давно знакомы?

— С девятого класса, — он усмехнулся, светловолосая девушка ему явно нравилась. — Она вообще не умеет сидеть спокойно. Если у неё появляется идея, всё, считай, мы уже куда-то едем. — Чуть выдержав паузу, его взгляд потяжелел. — Но если что-то случается, она приезжает первой. В любое время.

Я кивнула. Это про ту самую Софию, которая в детстве бегала по лужайке и заставляла меня улыбаться, когда мне вообще ничего не хотелось.

Она уже возвращалась со стаканами и Райан быстро встал, забрав у неё два. Я невольно улыбнулась. Они мило смотрятся вместе.

Передо мной со звоном поставили холодные стаканы. За соседним столиком кто-то громко и эмоционально переговаривался. Бармен крутил бутылки с алкоголем, выполняя какие-то трюки.

Едва сев за стол, София тут же начала пить большими глотками. Я смотрела, как стакан пустеет буквально на глазах. Из моего рта вырвался смешок.

Поморщившись, она заговорила:

— Господи! Как я соскучилась по нормальному пиву! — Она ёрзала, устраиваясь поудобнее. — Надо было позвонить Лоре. — София обращалась к Райану и тут же повернулась в мою сторону. — Мы обязательно устроим женские посиделки. Познакомлю тебя со своими подругами...

Я чуть улыбнулась, крутя стакан в руках. За короткое время вокруг появилось слишком много новых имён. Мозг вежливо пытался запомнить их, но, кажется, не справлялся.

— Виктор звонил вчера, он тоже прилетел пару дней назад, — Райан вертел телефон в руках.

— О-о... Тебе точно нужно познакомиться с ним! Он ужасный выпендрёжник, но тебе будет весело над ним издеваться. — захихикала она.

— Он настолько самовлюбленный, что даже во время разговора смотрит в глаза только для того, чтобы увидеть своё отражение, — добавил Райан, и они с Софией одновременно закивали друг другу.

Я покачала головой, втягивая запах ароматной еды из соседнего зала.

Вечер тянулся. Мы болтали, спорили, смеялись. Райан рассказывал про работу автомехаником, про знакомых в городе. Я же говорила ровно столько, чтобы не врать совсем уж в лоб: про экстернат, про академию, про то, как сокурсники злились, что я всё схватываю на лету.

София сияла. Теперь мы в одном городе, будем ходить гулять, болтать до утра...

И мне хочется этого. Настолько, что это кажется подозрительным. Мозг явно что-то упускает. Обычно за хорошими вещами в моей жизни следовал счёт, который кто-то приносил с огромными процентами.

Наступила моя очередь идти к бару за выпивкой и мои привычки не исключаются. Краем глаза я заметила, что человек у входа, который проверял наши документы, исчез. Обычно в таких местах охрану не оставляют без замены.

Я закрыла глаза. Он просто отошёл, в чём моя проблема? Но внутри не перестало зудеть, я скользила взглядом по окнам. Снаружи темно, стекло отражает бар, совсем ничего не разглядеть.

В эту же секунду дверь ударилась о стену так сильно, что музыка на секунду потерялась. Внутри ворвались люди в масках. Один из них держал оружие.

Выстрел. И я инстинктивно пригнулась.

В зале завизжали, началась паника. Пожилой охранник схватился за живот и осел на пол. По рубашке расплывалось тёмное пятно. Кто-то кричал, кто-то пытался спрятаться, все двигались рывками, мешая друг другу.

Хаос.

Я нырнула под стойку и сразу выглянула. София и Райан забились под наш стол. София махала мне руками, беззвучно крича: «Не выходи!». Райан закрывал её собой.

Мужик с пистолетом снова выстрелил в потолок. Звук ударил по ушам и люди замерли.

— Все на местах! А ты с нами! — хриплым, надрывистым голосом крикнул он, тыкая стволом в сторону мужчины на другом конце зала.

Тот сорвался прочь, расталкивая в стороны людей. Прозвучало ещё два выстрела. Кто-то снова закричал.

Я должна была остаться под стойкой. Среди всех остальных. Так сделал бы любой нормальный человек. Но тело двинулось раньше, чем мозг успел это решить.

Я перепрыгнула через стойку. Тут же кто-то грубо потянул меня за предплечье.

— Куда собралась?

Проигнорировав его, я перехватила запястье и вывернула до щелчка. Он завыл от боли и упал на колени. Главарь уже целился в меня. Я сорвалась вперёд, выкручивая заложника как щит.

Хлопок. Человек передо мной дёрнулся, и тёплые капли брызнули мне на лицо.

Он щёлкнул затвором. Пусто. Я знала эту модель слишком хорошо. Название всплыло в голове раньше, чем я успела его остановить: Glock 19. В магазине максимум 15 патронов.

Это возможность. Теперь моя очередь.

Рывок вперёд — и я ногой выбила пистолет. Металл звякнул по полу. Он бросился на меня. Тяжёлый и неуклюжий. Я схватила его за рукав и отворот, дёрнула на себя, развернулась спиной и бросила через бедро. Мы оба обрушились на пол.

Сердце заколотилось, мышцы горели, а воздух рвался в лёгкие. Он вскочил и помчался к выходу, забыв про своих товарищей.

Второй нападавший оказался быстрее остальных, но недостаточно. Остальные развернулись и уже бежали к машине.

Всё закончилось так же резко, как началось. Что это вообще было?..

Люди начали выползать из укрытий. Кто-то звонил в скорую, кто-то прижимал бинт к ране. Ко мне подходили, спрашивали, цела ли я, и благодарили. Я оглядывалась по сторонам, пытаюсь выровнять дыхание. Того, кого они хотели забрать, в зале уже не было. Кто он? И зачем он им?

Ко мне подлетела София, глядя на меня так, будто вообще впервые увидела.

— Ты с ума сошла?! Что это было?! Как ты это сделала?! — Она прижала меня к себе так крепко, будто испугалась, что я исчезну. — Тебя надо в больницу! Ты вся в крови, ты могла что-то себе повредить и даже не чувствуешь!

Она достала салфетки и начала стирать кровь с моего лица. Я тихо усмехнулась. Приятно спустя столько времени чувствовать чью-то заботу.

Рядом стоял Райан, бледный, но собранный. На полу лежали тела охранника и одного из бандитов. Люди выходили на улицу, говоря по телефонам, лица у всех напряжённые, будто все разом протрезвели.

— Ты как? — Райан наконец посмотрел мне прямо в глаза.

Я опустилась на стул. Адреналин уходил, а ноги становились ватными, будто из них вынули кости.

— Бывало и лучше. Вообще-то я ожидала от Носфорда пляж и купальник, а не перестрелки.

София легонько стукнула меня по плечу и я посмотрела на свои дрожащие руки. Забавно. Тело вспоминало, что оно человеческое, всегда последним делом.

Глава 5.

Диего. Несколькоими днями позже.

Раф был единственным человеком, который мог войти сюда без разрешения и остаться безнаказанным. Я давно привык к его хаосу. Поэтому, когда он в очередной раз ворвался без стука, я не удивился. Из-за него я уже третий раз переписывал документы. Он всегда появлялся в самый неподходящий момент.

Раф швырнул ноутбук прямо поверх документов и плюхнулся на край.

— Смотри, — выдохнул он, едва сдерживая восторг.

Я перевёл взгляд на горящий экран и покачал головой.

— Если это очередное видео, где кто-то падает с лестницы, то можешь сразу закрывать.

Он тихо рассмеялся:

— Нет, там гораздо интереснее.

Он включил видео с названием «Никогда не спорьте с брюнетками в этом баре». На экране — бар. Плохое качество, трясущаяся камера, толпа людей. Кадр повернулся как раз в тот момент, когда девушке на лицо брызнула чужая кровь. Я, потеряв интерес, вновь отвернулся к бумагам.

— Люди правда тратят время на этот идиотизм?

Раф чуть помедлил, прежде чем ответить.

— Ты не понял... Это реальное видео из нашего бара.

Я нахмурил брови и посмотрел на него. Он утвердительно кивнул и отмотал запись назад. Я выдохнул и подъехал на стуле ближе, чтобы увеличить кадр.

— Она уложила троих. Они пытались похитить информатора. Карла, — продолжил он.

Кровь брызнула ей в лицо, но она даже не моргнула, не потянулась стереть её, не отвела взгляд. Просто сразу нашла следующую цель.

Уже интереснее. Это не постановка. В реальной жизни обычный человек не бросился бы в такую драку.

Решение пришло сразу.

— Узнай всё, — я стучал пальцами по столу. Ритм выходил рваным, и это бесило меня самого. — Найди её. Потом пригласи ко мне.

На губах Рафа появилась довольная улыбка, и он спросил:

— Уже найти? Даже не спросишь, кто она?

— Мне неинтересно, кто она, — голос прозвучал чуть ниже, чем обычно. — Мне интересно, кто её этому научил.

— А если Джеймс её уже ищет?

Пальцы перестали стучать по столу, и я взглянул на бумаги на столе.

— Тогда мы должны найти её раньше.

Ангелина.

София не умолкала ни на секунду. Все разговоры — про то видео, что разлетелось по сети.

— Ты понимаешь, что оно вирусное?! — Она подпрыгнула на месте и дёргала меня за рукав лонгслива. — Тебе надо срочно заводить соцсети! Ты за пару минут станешь звездой!

— Не буду я ничего заводить. Я слишком старая для того, чтобы танцевать под музыку ради чужих лайков.

Она цокнула, отпустила меня и тут же нырнула в ряды вешалок.

— Ты безнадежна...

Я стояла посреди магазина и ловила себя на странном ощущении, будто я не на своём месте. София порхала между вещами, кидая то одну, то другую, и в её глазах было столько надежды, что мне неловко.

— Смотри, ну идеально же! Надень его, и ты будешь выглядеть так, будто родилась тут, а не в снегах Архангельска.

Она протягивала мне платье цвета заката. Нежно-оранжевое, с летящими складками. Я только глухо выдохнула:

— Архангельск официально отказался от меня?

Она, даже не услышав меня, перекинула платье через локоть и прошла дальше.

Это просто магазин. Просто платье. Просто прогулка. Почему тогда на минном поле мне было спокойнее, чем здесь? Мне стоит перестать прятаться. Хочется хотя бы ненадолго пожить как обычный человек.

— Если я надену его, ты наконец отведёшь меня к берегу? — Я шагнула вслед за ней.

Она замерла на секунду, а потом её лицо вспыхнуло так, будто я пообещала ей не прогулку, а чудо.

— Ты шутишь? Конечно! Я об этом мечтала! — Она подпрыгнула и едва не уронила вешалку. — Пойдём туда, где песок тёплый, ветер пахнет солью и где тебе вообще не надо ни о чём думать. Ну, кроме того, как не наступить на медузу.

Уголки моих губ дрогнули.

— Ладно.

Я взяла платье и провела пальцами по ткани. Она струилась между ними, лёгкая, будто сотканная из воздуха. — Вау.

— Пошли!

София уже толкала меня в примерочную, сияя так, что хватило бы осветить весь магазин.

— И никаких «а вдруг» и «а если». Сегодня никаких планов. Только океан. — Она ткнула в меня пальцем.

Девушка на кассе странно на меня поглядывала. Я заметила это ещё когда мы только зашли. Что, даже для неё я в платье выгляжу как кот в сапогах?

— Добрый вечер. С вас 200 \$.

— Я заплачу за тебя, — уже тянулась София с картой. — Хочу стать спонсором твоей новой жизни! К тому же ты безработная.

Я удивлённо вскинула брови, разведя руки по сторонам. Она звонко засмеялась и быстро скользнула картой по терминалу. Я даже не успела возразить.

— Чёрт! Ну, София... Я чувствую себя максимально ущербно теперь. Что, я не могу позволить себе платье за двести долларов?

— Да ла-адно... — протянула она. — Купишь мне пиво.

Я усмехнулась:

— Это будет твоим самым дорогим пивом. Тебе что, вчерашнего вечера тебе не хватило?

Она аж поперхнулась:

— Вот только давай не будем это вспоминать. Я совершенно точно до сих пор нахожусь в шоке.

Как будто услышав наш разговор, девушка, проходящая мимо в торговом центре, обернулась на нас. Её глаза расширились, и она быстро зашагала в нашу сторону.

— О боже... Это вы из видео?

Всё внутри меня неприятно сжалось. Вот и началось. София подхватила диалог за меня:

— Да! Наш местный супермен! Ангелина — знакомьтесь.

— Я восхищена вами. Это было очень смело. Вы работаете в полиции?

— Э... Ам... Извините, мы торопимся. Благодарю вас... — пробубнила я себе под нос и потащила Софию к выходу.

— Да что с тобой сегодня?! — недовольно возразила София, но послушно шла за мной.

Чёрт... Вот поэтому я разозлилась, когда увидела, что видео попало в сеть. У меня не только появилась популярность, но ещё и проблемы. После того вечера город жил в трауре. Двое убиты, несколько человек в больнице в состоянии средней тяжести. Полиция предупредила меня, что дело передадут в суд. Мне скоро должна прийти повестка.

Я защищалась, но люди всё равно погибли. Для суда моих оправданий может быть недостаточно. На службе всегда повторяли одно и то же:

«Каждый выстрел должен быть оправдан.»

Тогда эта строчка казалась сухим правилом из устава. Зато теперь она звучала как приговор. Я всегда думала, что если однажды окажусь в суде, то после операции, выполняя приказ. А не после драки в прокуренном баре...

Внутри всё ещё жила та девятнадцатилетняя девушка, которая впервые надела форму и поклялась защищать людей. Именно она не давала мне окончательно усомниться в себе. Если бы я тогда не вмешалась, погибло бы больше людей.

— Хорошо! — резко выпалила я. — Пиво так пиво.

Закатив глаза, София решила промолчать и не давить на меня. Это было лучшим её качеством.

По дороге я постепенно успокоилась. На берегу всё было другим. Я скинула сандалии и пошла босиком. Песок мягко проскальзывал между пальцами. Платье развевалось на ветру, и я больше не пыталась его удержать или прижать к себе, чтобы спрятаться. Пусть делает что хочет.

Океан дышал. Громко и уверенно. Волны накатывали, пенились, отступали и снова бросались вперёд, будто показывали мне, что жизнь не стоит на месте. Я остановилась у самой кромки, где вода только касалась ступней, и закрыла глаза. Холод был резким, но приятным. Он напоминал мне, что я жива.

— Нравится? — тихо спросила София, давая мне эту секунду.

Я кивнула, не открывая глаз:

— Да. Очень.

Ветер взъерошивал волосы, платье облепляло ноги. В этом спокойствии я вдруг заметила, что не высчитывала пути отхода, не искала укрытия, не прислушивалась к подозрительным звукам. Здесь нет врагов. Только океан, сестра и я, в платье цвета заката, будто специально сшитом для этого момента.

— Знаешь, — сказала, наконец, я, глядя на Софию, — Я думала, что новую жизнь начинают тогда, когда забывают старую. А оказалось... достаточно перестать убегать от неё.

София улыбнулась, взяла меня за руку, и мы пошли вдоль берега.

— Папа очень хочет с тобой встретиться. Приходи в ближайшее время к нам в гости, — тихо сказала она.

Я коротко кивнула, и мы молча сели на песок. Открыли напитки, и мне резко захотелось, чтобы этот вечер тянулся вечно. Чтобы мир был вот таким. Шумным, солёным и простым.

Телефон завибрировал, отрывая меня от раздумий.

«Мы ознакомились с вашим резюме. Нам требуется инструктор по тактической подготовке. Высокая заработная плата.»

Я показала экран Софии, и она поперхнулась пивом.

— Так быстро?! Мы ведь даже толком не нагулялись, а уже работа! — Она хлопала глазами, глядя на меня.

Я только пожала плечами.

— Я год ничем не занималась. Так что, поверь, я найду для тебя время, даже если придётся не спать ночами.

Она качала головой и, широко улыбаясь, смотрела на волны.

— Куда ты отправляла резюме? Почему «инструктор по тактической подготовке»? — она снова повернулась ко мне. — Ты тактически подготовлена? — она резко засмеялась, задавая нарочно глупый вопрос, чтобы сбить напряжение.

Я улыбнулась в ответ.

— Ходила на курсы, — сказала и сделала паузу, чтобы не выдать, сколько в этой фразе недоговорённостей. — Посмотрим, что из этого выйдет.

Стоило увидеть сообщение, как внутри снова щёлкнул знакомый механизм. Адрес офиса, график, требования к кандидату, возможные риски. Даже здесь, у океана, даже в этом лёгком платье, часть меня уже переключалась в режим готовности.

Я понимала, что, как бы ни хотелось оставаться в этой сказке, она не удержит меня надолго.

Глава 6.

Солнце только-только полезло над крышами, а я уже была на улице. Воздух тут был непривычным для меня. Влажный, тяжёлый, он проникал в легкие почти как жидкость. Каждый вдох отдавался в висках и я прибавляла темп, потому что знала, что если сбавлю, мысли снова начнут скрестись в голове, как запертые звери.

Музыка в наушниках поддерживала мою интенсивную пробежку. Я бежала по уже знакомым кварталам. Тут было тихо. Почти в каждом дворе кто-то высаживал цветы, поэтому в этом районе был яркий цветочный запах. Родители медленно тащили сонных детей в детский сад, а кто-то, быстро перебирая ногами, спешил на работу. Почти идиллия, но от этой тишины мне почему-то ещё громче слышались выстрелы из того бара. Я затрясла головой, сбрасывая эту картинку, и ускорила ещё сильнее.

Меня приятно удивляло, что почти везде по улицам Носфорда были намечены беговые дорожки. Это удобно, никто никому не мешал. Привычная спортивная одежда, которую я привезла с собой, оказалась неподходящей для такого климата. Широкие штаны только сильнее разогревали тело. Пот стекал по спине, и футболка липла к лопаткам, но я не останавливалась. Мне необходимо было это чувство, когда мышцы горели, а голова наконец пустела.

Когда я сворачивала к магазину, ноги уже были тяжёлыми, зато в груди ощущалась лёгкость. Я вошла и взяла корзину. Медленно побрела между металлическими стеллажами. Овсянка, рис, вода, кусочек куриной грудки, кофе и молоко. Мой стандартный набор. Тот, который не подводил и не требовал думать. Мне было абсолютно всё равно, что последние несколько лет моим главным разнообразием в еде была только пицца. Да и то — по праздникам. Я проходила мимо кассы, и взгляд сам зацепился за шоколадку. На секунду я замерла. В голове я решала, позволять себе что-то обычное или нет. В итоге, сдавшись, я кинула её в корзину.

Теперь я себе это разрешаю.

Через двадцать минут я уже открывала входную дверь. Дома я разложила продукты, скинула потную одежду и бросила ее в корзину для стирки. В зеркале увидела привычную картину: тёмные волосы смялись от пучка, шрам на боку чуть розовел и напоминал мне, что я выжила. Улыбнулась ему, как старому знакомому, и зашагала в душ. Тёплые струйки смывали пот, но не смывали напряжение. Оно оседало где-то между лопаток.

Натягивая чистые вещи, я смотрела на телефон. Сообщение от той конторы всё ещё висело на экране:

«Подъезжайте сегодня в 18:00».

Я кивнула сама себе, будто подтверждая, что да, я пойду. Просто если я сегодня никуда не пойду, то сяду на пол и буду сидеть, пока тишина не начнёт кричать. Ещё одним решением этой проблемы было то, что я обещала в скором времени зайти в гости к дяде Филиппу.

Такси медленно тащилось по центру в пробке. Я смотрела в окно на то, как город менял маски. Спальные кварталы сменялись стеклянными высотками, улицы становились шире, а людей всё больше. Здание, к которому меня подвозили, выглядело чистым, даже слишком правильным и охраняемым для обычной конторы. На вывеске значилось название компании — «Phoenix Arm».

У входа стояли двое в костюмах, но они не выглядели как секьюрити из ТЦ. У них была военная выправка, их взгляды скользили по каждому посетителю, а камеры висели так, что слепых зон тут почти не было. Я считывала это мгновенно, как старую привычку. Оценивала угрозы, искала пути отхода, отмечала, где спрятаны эвакуационные выходы. Я одернула себя. Тут нет опасности.

Сейчас мне нужно просто пройти через дверь и сказать: «Я на собеседование».

Я подошла к стойке администрации.

— Я на собеседование, на 18:00.

Администратор кивала, будто ждала именно меня:

— Да-да, сейчас за вами спустятся.

Я медленно отошла к окну, чтобы не мешать проходящим мимо людям. Старалась сбросить тяжёлое напряжение, но пальцы сами сжимались в кулаки. Я ненавижу ждать. Ненавижу чувствовать себя как на витрине.

Солнце ложилось на панорамное стекло, освещая современное помещение, в то время как лифт звякнул, а двери разъехались. Оттуда буквально вылетел парень. В одной руке стакан, в другой ноутбук, который вот-вот улетит, телефон был прижат к плечу.

— Нет-нет-нет, не трогай сервер! Особенно красную кнопку! Какая красная?! Если ты её видишь — значит, уже поздно! — он резко выдохнул и сбросил звонок, тут же задев меня плечом. Крышка стакана слетела, по полу растекались капли кофе. Парень на несколько секунд замер. Он смотрел на пятно, а потом на меня.

— Очень эффектное знакомство, — сказала я ровно, пытаюсь показать, что столкновение меня не потревожило.

Он поморщился, но тут же расплылся в улыбке:

— Обычно я падаю позже.

Я едва приподняла бровь и из груди сам собой вырвался смешок.

— Сегодня у тебя прогресс.

— Именно! — он кивнул так, будто я только что сказала самый лучший комплимент в его жизни. — Я Раф, — протянул он руку.

— Ангелина.

Его ладонь была тёплой, а пальцы чуть дрожали, судя по всему, от вечной суеты. Он неожиданно перехватил мою руку крепче и начал разглядывать. По старой привычке я почти выдернула руку, но остановилась.

— Ого, да у тебя тут мозоли. Ты что, военная?

— Почему ты так решил? — я спешила раскрывать карты.

— Потому что у программистов таких не бывает, — он выставил свои ладони и крутил ими, будто демонстрировал экспонат. — Вот. Единственная травма на работе — ожог от перегретого ноутбука.

Я снова рассмеялась. Он так легко смахнул с меня напряжение, что я даже удивилась.

— О, а ты всё-таки умеешь улыбаться, — он прищурился, будто делал важное открытие.

— А военные не умеют?

— По твоему лицу казалось, что ты приехала кого-то арестовать.

— Возможно, — я сделала лицо максимально серьёзным.

Раф театрально поднял руки:

— Клянусь, это не я сломал принтер!

Качав головой в стороны, уголки моих губ всё равно ползли вверх.

— Ты к Диего? — спросил он.

Я задумалась. Не знаю, к кому я. Знаю только, что мне назначили собеседование.

— Не уверена. Мне сказали, что за мной спустятся.

— Тогда я тебе сочувствую. Потому что уже спустились, — он снова улыбнулся. — Сразу совет. Мистер Моретти любит задавать вопросы, на которые уже знает ответы.

— Зачем?

— Проверяет, будешь ты врать или нет, — он пожал плечами, будто это самая обычная вещь на свете.

Рядом зашипела рация и к нам подошёл охранник.

— Раф, господин Моретти ждёт.

— Уже иду-у, — он протянул последнее слово, будто пытаясь отсрочить неизбежное, а потом повернулся ко мне. — Идём.

Уже шагая к лифту, он наклонился чуть ближе:

— Ещё один совет. Не смотри ему в глаза.

— Почему?

— Он умеет читать мысли, — Раф захохотал, ловя на лету свой сползающий ноутбук и подмигнул. — Шучу. Или нет. Тут никогда не знаешь наверняка.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Ступеньки глушили шаги, под ногами был толстый ковёр, явно недешёвый. У входа в кабинет сидела секретарша. Единственная молодая девушка, которую я видела в этом здании. Она держала планшет, пальцы застыли над экраном, когда я появилась в проёме. Взгляд скользнул по мне сверху вниз и обратно.

Раф распахнул большую массивную дверь без стука. Я шагнула следом и сразу почувствовала, как изменился воздух. Здесь было прохладнее, пахло полиролью для дерева и чем-то цитрусовым, будто тут специально распыляли аромат, чтобы скрыть запах денег и напряжения. Пол из тёмного дерева, доски были уложены ёлочкой, стыки идеально подогнаны. Панорамные окна не спасали светом. Кабинет оставался мрачным. На стенах не было ни картин, ни дипломов, только узкая полка папками в чёрных переплётах и часы с тихим тиканьем.

За столом сидел мужчина. Подвёрнутые рукава белой рубашки открывали сильные предплечья. Он не смотрел на нас. Дочитывал документ, ставил подпись и закрывал папку. Его движения были точные, уверенные и крайне медленные. Как будто моё время ничего не стоило.

— Ты опоздал на семь минут.

Глава 7.

— Она уже приехала? — голос Моретти прозвучал низко и ровно.

— Она уже здесь. — Раф чуть отступил, обозначая моё присутствие, и добавил с лёгкой ухмылкой: — Ангелина.

Диего наконец поднял взгляд. Повисли несколько секунд тишины. Он не спешил, и я тоже. Мы изучали друг друга, как противники, которые ещё не знали, будут ли драться.

Мне резко захотелось, чтобы Раф не уходил. От него хотя бы не хотелось сбежать.

Глаза у Диего были светло-голубые. Это яркий контраст с тёмными волосами и тяжёлым взглядом. Он выглядел симпатично, но нутром я чувствовала угрозу. Не ту, от которой сразу тянешься к оружию, а ту, что пробиралась под кожу, когда кто-то слишком точно считывал твои реакции.

— Спасибо, Раф. — кивнул Диего.

Раф хлопнул меня по плечу с усмешкой:

— Удачи.

И я едва заметно усмехнулась. Надеюсь, она мне не понадобится.

Дверь закрылась и мы остались вдвоём. Диего медленно поднялся со стула. Он встал в полный рост и пространство вокруг будто сжалось.

Пару широких шагов — и вот он уже напротив, протягивая руку:

— Диего.

— Ангелина. — ответила я, и он кивнул.

Рядом с ним я неожиданно ощутила собственную хрупкость. Он посмотрел дольше обычного и, казалось, он вглядывался не в лицо, а отмечал вообще каждую мелочь во мне. Как я стою, куда смотрю, как держу плечи. Это длилось всего пару секунд, но возникло неприятное ощущение, что он уже сделал какие-то выводы.

Я в свою очередь, тоже начала изучать его. На воротнике его рубашки была лёгкая складка, на безымянном пальце не было кольца, зато на среднем — тонкое серебряное кольцо с матовой гравировкой, которую не разобрать с этого расстояния.

Неожиданно он прервал это молчание:

— Присаживайся.

Мы сели друг напротив друга. Между нами стол из тёмного дуба. На этой столешнице не было ни крошки, ни пятнышка, только тонкая линия стыка двух досок. Снова повисла тишина. Я глухо постукивала пальцами по ноге.

— Где вела службу? — он ударил прямо в цель. Я усмехнулась. Ну конечно. Подвох.

Ответ, кажется, интересовал его меньше, чем пауза перед ним. Я чуть наклонила голову в бок и положила руки перед собой на стол.

— Пытаешься меня завербовать?

Уголок его губ едва дёрнулся, но он не отступил:

— Нет.

Мы встретились глазами.

— Тогда зачем этот разговор? — спросила я, и он выдержал паузу.

Меня бесило, что он не торопился. Моя рука чуть дернулась, но я тут же потушила этот порыв. Нельзя, чтобы он видел, что я нервничаю. Хотя, я почти уверена, он уже считал даже мой контроль над собой.

— Мне интересно, сколько вопросов ты задашь, прежде чем поймёшь ответ.

Я рассмеялась. Коротко и сухо.

— А ты самоуверенный. Хотя уверенные люди не устраивают такие спектакли.

— Ты наблюдательна.

На мгновение он стал внимательнее. Словно мой ответ подтвердил что-то, что он подозревал с самого начала.

— Опасное качество?

— Для моих врагов — да.

Его глаза вновь стали ледяными.

Он проверяет меня, но зачем?

Будто отвечая на мой мысленный вопрос, он протянул мне бумаги. На верхнем листе были чёткие пункты: обязанности, зона ответственности, уровень доступа. В графе «оплата» — цифры, от которых хотелось хмыкнуть. Слишком много, чтобы это было просто за инструктаж.

— Условия и оплата. Если подойдёт, то позвони по номеру.

Я сделала вид, что бумаги мне неинтересны. Мой взгляд скользнул по столу и зацепился за шахматную доску. Фигуры были расставлены в середине партии. Белые были в слабой позиции, ладья чёрных выдвинута вперёд, ферзь белых открыт.

— Белые проигрывают через четыре хода. — бросила я и поднялась со стула.

Он проследил за моим взглядом.

— Играешь?

Я обошла стол, не торопясь. Пальцы скользили по краю столешницы, ощущая каждую выемку в древесине. Остановилась у доски, не отвечая на его вопрос. Передвинула ладью.

— Ты смотришь только на ферзя, а ладью не замечаешь. — я бросила на него последний взгляд и чуть улыбнулась. — Ты выбрал не ту соперницу, Моретти.

Я развернулась и пошла к двери. Услышала, как он сделал шаг к доске и проверил позицию. Понял, что я права. Ещё два шага — и он догнал меня. Твёрдо взял меня за запястье и я почувствовала его силу и тепло кожи.

— Запомни, я не люблю, когда мне врут.

Он всё ещё держал меня, сжимая чуть сильнее. Сердце на секунду сбилось с ритма, и это разозлило меня. Я легко дернула руку, ровно настолько, чтобы показать, что я не позволю ему держать меня дольше, чем сама решу.

— Тогда сам начини говорить правду. — я посмотрела ему прямо в глаза.

Секунду мы стояли так, но он первым отвел взгляд, давая понять, что в этом маленьком поединке он оставлял последнее слово за мной.

Я открыла дверь и едва не сбила с ног секретаршу. Она пошатнулась, планшет выпал из рук и с глухим стуком ударился о пол.

— Присмотрись к своему персоналу. Непрофессионально подслушивать чужие разговоры.

Я вылетаю вниз по лестнице, оставляя за спиной и кабинет и этот тяжелый, пропитанный властью воздух. Где-то позади тикали часы, будто отсчитывали, сколько секунд ему понадобится, чтобы понять, что я не та, кто будет играть по его правилам.

На улице пульс всё ещё колотился где-то в горле. Я достала телефон и ткнула на контакт Софии.

Потянулись гудки.

— Да?.. — её голос был сонный, будто она только что уткнулась лицом в подушку.

— Семь вечера, Соня! Чем ты занималась, что проспала весь день?

Она зевнула, а потом вдруг расплылась в улыбке — я это услышала даже по голосу.

— Мы с Райаном гуляли. До самого рассвета, — промурлыкала она так, будто это было самое лучшее событие на свете.

Я вздохнула, но не от раздражения, скорее от того, как это не совпадало с тем, что сейчас крутилось у меня в голове.

— Я сходила на собеседование, и знаешь, это точно не обычная охранная фирма, — я шла к парку, а пальцы сильнее сжимали бумаги. — Офис в центре, в таком районе, где даже табличка на двери стоила как моя полугодовая зарплата.

— Стой! — в её голосе тут же щёлкнул интерес. — Если район такой дорогой, значит, и деньги должны быть сумасшедшие. Они тебя проверяли? Типа «покажи, что умеешь»?

Я прикусила губу.

— Не совсем. Скорее... дали понять, что уже всё проверили. У меня было такое чувство, будто они знают про бар. Про то, что было той ночью.

— То есть они тебя нашли? — прошептала она, и в этом шёпоте было столько восторга, что мне даже смешно стало. — Ангелина, это же как в кино!

— Только без музыки и без счастливого финала, — буркнула я. — Мне босс передал договор. Там цифры... с четырьмя нулями.

— Ты встретила с бо-о-оссом, — протянула она, растягивая слова. — Ну и как он? Такой весь строгий, в костюме, как из «Пятидесяти оттенков»?

Я фыркнула, и мой смех вышел громче, чем хотела.

— Он не Кристиан Грей. Он... другой.

На секунду замолчала, я вообще не хотела поддерживать эту шутку.

— Слушай, — сказала я уже тише, — не хочешь пройтись? Хочу выговориться.

— Хочу! — тут же отозвалась она. — А я тебе расскажу про Райана. Всё-всё.

Я закатила глаза, хотя она не видела.

— Может, не прям всё? — рассмеялась я. — Хотя ладно, рассказывай. Мне сейчас нужно что-то... обычное.

Диего.

Раф зашёл в кабинет и плюхнулся на стул напротив, ухмыляясь.

— Ну как тебе она? Мне понравилась.

Я не ответил сразу. Смотрел на шахматную доску. Ангелина передвинула ладью. Один ход — и всё стало другим. Как будто она не просто двигала фигуру, а показывала, как она думает.

— Она точно не солдат, — сказал я наконец.

Раф приподнял бровь.

— А кто?

— Тот, кто не ждёт приказа. Кто сам решает, когда и куда бить.

Он коротко хмыкнул и задергал ногой.

— Ты это понял за десять минут?

Я только усмехнулся.

— Мне бы хватило пяти.

Он рассмеялся, но тут же стал серьёзным.

Глава 8.

Ангелина.

Поднимаясь домой, я заглянула в почтовый ящик. Там среди рекламных листовок выделялся плотный белый конверт с гербом суда. Я замерла и по телу прошёлся холодок. Это известие. Спокойно.

Первая мысль пришла на удивление холодной — нужен адвокат. Следом пришла другая мысль: вот и последствия.

Чёрт... Ну почему я всегда нахожу себе проблемы на задницу?

Конверт отправился в сумку. Разбираться с ним сегодня я всё равно не собираюсь.

К ночи София наконец собралась. Мы пошли в торговый центр, который уже потихоньку заканчивал рабочий день. Продавцы поправляли товар на витринах, а свет становился мягче.

София тащила меня за руку, как в детстве, когда хотела показать самое важное. Новый камешек, жука или лужу, в которой отражалось небо.

— Сюда!

Неожиданно, она потянула меня в магазин белья. Я замерла в дверях.

— София, я не собираюсь мерить...

Она даже не остановилась, просто прошла дальше.

— Да ладно тебе! Смотри, вот это. Шоколадное. Кружево такое тонкое, будто его рисовали иглой.

Я невольно задержала взгляд. Да, красиво. Дерзко и нежно одновременно. Но цена на бирке заставила меня поморщиться.

— Слишком дорого.

— Ангелина, — она посмотрела на меня серьёзно, как будто собиралась сказать что-то очень взрослое, — ты должна это купить. Ты не представляешь, как сильно красивое бельё повлияет на твою сексуальность! К тому же, с теми деньгами, что тебе предлагают в Фениксе, ты скоро сможешь купить себе что угодно.

И вот тут меня зацепило. То, как легко она это произнесла. Как будто эти деньги уже были моими. Как будто я уже согласилась. Я ненавидела, что она права. Я уже успела представить, что можно сделать с этими деньгами. Закрыть долги. Перестать считать каждую покупку. Перестать жить так, будто завтра снова придётся всё бросить.

— Ладно, — пробормотала я, — но просто посмотрю!

София в итоге выбрала себе нежно-розовое бельё. Оно удивительно ей подходило. Такое же осторожное и светлое, как всё, что сейчас происходило между ней и Райаном.

— Ты подходишь им идеально, — вдруг сказала она, пока мы стояли у кассы, — ты бесстрашная. Трёх мужиков уложила, даже не вспотев. Если они тебя не возьмут, то будут локти грызть.

Я усмехнулась, но внутри что-то потеплело. Приятно, когда кто-то так в тебя верил. Даже если ты сама в себе сомневаешься. София расплатилась за своё бельё, а я так и вышла с пустыми руками. Вокруг уже темнело, город зажигал огни, и казалось, что день наконец сдавал свои права ночи.

Мой телефон завибрировал в сумке. Неизвестный номер.

«Ты зря его не купила, мышка».

Я застыла. София посмотрела на меня.

— Кто это? — спросила она тихо.

Я перечитала сообщение ещё раз. Вместо страха внутри вспыхнуло раздражение, а следом — азарт.

— Никто, — ответила я, но улыбка сама лезла на лицо, — почти никто.

Сообщение висело в моём телефоне уже сутки. Я то открывала его, то снова блокировала экран.

Там ни подписи, ни смайликов. Просто факт, брошенный в тишину. От этой лаконичности побежали мурашки. Кто-то следит за мной, кто-то знает, где я была и что рассматривала.

Из-за этого я меняла привычки.

Больше не бегала в полдень. Во-первых, стало ещё жарче, во-вторых, теперь в это время слишком шумно и открыто. Переключилась на раннее утро, когда город ещё спал, а на пляже песок лежал холодный и плотный.

Сегодня мы договорились с Софией встретиться у неё дома. Ещё по дороге, пока я сидела в такси, телефон разрывался от сообщений и звонков. В одном из голосовых дядя Филипп перехватывал трубку у Софии и кричал так, будто я могла его не услышать даже через экран:

«Ангелина, ты обязана приехать сегодня на шашлыки! Никаких отговорок, у нас уже мясо замариновано, угли готовы — ты нужна здесь!»

Я тихо рассмеялась, прижимая телефон к уху, и чувствовала жгучее предвкушение.

Машина такси медленно останавливалась прямо у ворот роскошного дома на берегу океана. Этот дом я помнила ещё с детства — сюда мы приезжали с родителями, когда я была совсем маленькой. Я помнила, как мама сидела на этом же крыльце с книгой, пока отец жарил мясо и спорил с Филиппом о футболе. Тогда я даже не догадывалась, что спустя много лет буду вспоминать это и понимать, что больше такого никогда не повторится.

Ворота медленно открывались, и я зашла на территорию внутреннего двора. Тут же передо мной возник мой родной дядя — с широко раскинутыми руками. Его лицо сильно постарело за то время, пока я его не видела: яркие морщинки собрались прямо у глаз, а в уголках губ появилась новая складка — то ли от частых улыбок, то ли от того, что он привык подбадривать всех вокруг.

— Ангелина, дорогая! — воскликнул он, и я впервые за то время, пока жила тут, услышала русскую речь. Он крепко обхватил меня руками и всё так же гладил меня по голове — так же, как двадцать лет назад, когда я разбила колено, пытаясь догнать Софию на велосипеде. — Ну наконец-то! Я уж думал, придётся самому за тобой лететь!

Следом за Филиппом выходила его жена — мама Софии — Оливия. На ней был лёгкий сарафан, а на плече висело полотенце, будто она только что вышла из кухни, где что-то помешивала в кастрюле. В её движениях была уютная суетливость: она всегда так делала, когда собиралась кого-нибудь накормить.

— Божечки, какая ты стала взрослая... — прошептала Оливия, подходя ближе, и тут же обхватила меня руками, прижавшись щекой к моему плечу. От неё пахло ванилью и чем-то домашним, таким знакомым, что у меня внутри что-то дрогнуло. — И такая тоненькая... Ты вообще ешь?

Из моих глаз потекли струйки слёз. Я пыталась их смахнуть, но они всё равно катились. Больше всего я боялась не их вопросов. Я боялась, что они посмотрят на меня и увидят не ту девочку, которая бегала здесь босиком по песку, а человека, которым я стала. Слишком молчаливым, жёстким, похожим на тех людей, от которых родители когда-то пытались меня защитить.

— Оу... Вы мои хорошие! — София вышла последней и подбежала к нам, тут же вытирая слёзы с моих глаз своим рукавом. — Ну чего вы тут устроили? Я же говорила, не надо её сразу доводить до слёз!

— Простите... я не знаю, что со мной. Просто... я скучала. — шептала я, шмыгая носом и пытаюсь улыбнуться сквозь слёзы.

— Ты же наша вторая доченька, — тихо сказала Оливия, чуть отстранившись, но не отпуская моей руки. В её глазах мелькнуло что-то большее, чем радость, — в них была та самая

тихая обида, которую прячут, чтобы не давить, но она всё равно просачивается. — Почему так долго не приезжала? Мы скучали.

Я открыла рот, чтобы что-то объяснить, но слова застряли где-то посередине. «Не могла», «было тяжело», «боялась, что вы увидите, какая я теперь» — всё это звучало жалко, а они этого не заслуживали.

— Давайте не будем тут стоять, пройдем в беседку, — мягко вмешался Филипп, будто почувствовав, что мне сейчас не до объяснений. — На улице ветер, а там уютнее, да и мясо уже ждёт. Ты, наверное, устала с дороги.

— Сейчас моя мама тебя плотненько накормит, — поддразнила София, подхватывая меня под локоть и чуть подталкивая вперёд. — У неё сегодня фирменный луковый суп, и если ты его не попробуешь, она будет переживать до следующего года.

Мы шли по дорожке, усыпанной мелкой галькой, мимо клумб с яркими цветами, которые Оливия всегда сажала сама. В беседке уже был накрыт стол: простая белая скатерть, миска с салатом, хлеб, нарезанный крупными ломтями, и большой поднос с мясом, от которого шёл аппетитный аромат специй. Рядом на маленьком столике стояла ваза с полевыми цветами. Во всем этом так сильно ощущалась родная Россия.

— Садись сюда, — Филипп подвинул для меня стул.

Его взгляд задержался на моих старых шрамах. На секунду я приготовилась услышать вопрос: «Что с тобой произошло?», но он ничего не спросил. Только улыбнулся и сел напротив.

— Ты выросла. — выдохнул он. — Рассказывай, что нового? Что тебя радует? Что снится? Что хочется делать просто так, без причины?

Я на секунду замерла, потому что таких вопросов мне давно никто не задавал. Обычно все спрашивали: «Как дела?» — и ждали короткого «Всё нормально», чтобы можно было перейти к следующему. А тут от меня хотели услышать что-то настоящее.

— Честно? — я улыбнулась, чувствуя, как эта улыбка становится шире, будто мышцы лица наконец-то вспомнили, как это делается. — Сегодня, пока ехала сюда, я вдруг подумала, что хочу съесть что-то вкусное, что приготовила Оливия.

Оливия тихо хмыкнула, будто это было самое приятное, что она слышала за день, и тут же поставила передо мной тарелку с супом.

— Вот и правильно, — сказала она, слегка похлопав меня по плечу. — Тебя давно хорошенько не кормили!

София села рядом, подогнув ноги и поставив локти на стол. Она посмотрела на меня так, как умела только она — с этим своим хитрым прищуром.

— А ещё, — добавила я, глядя на них по очереди, будто хотела запомнить этот момент навсегда, — я вдруг поняла, что вернулась в детство. Здесь всё такое настоящее. И вы такие же — заботливые и шумные.

Филипп хмыкнул, взял кусок хлеба и макнул его в соус, а потом протянул мне:

— Держи. Это секретный рецепт Оливии. Если съешь, считай, официально вернулась домой.

Я взяла хлеб и откусила. Он был тёплый, чуть хрустящий, с ароматом чеснока и трав. И в этот момент мне вдруг показалось, что да, я действительно вернулась.

Вечер тянулся медленно и уютно. Филипп рассказывал смешные истории про соседей, Оливия то и дело подкладывала мне ещё еды, будто боялась, что я останусь голодной, а София шептала мне на ухо какие-то шутки, от которых я тихо хихикала, прикрывая рот рукой. Солнце садилось в океан, окрашивая небо в розовые и золотые оттенки, а ветер приносил запах соли и цветов.

Когда на столе почти ничего не осталось, а разговоры стали тише, София вдруг наклонилась ко мне и тихо спросила:

— Ты ведь знаешь, что можешь оставаться столько, сколько нужно? Хоть неделю, хоть месяц. Тут тебе всегда рады.

Я посмотрела на неё, потом на Филиппа и Оливию, которые делали вид, что не слушают, но на самом деле очень внимательно следили за моей реакцией, и почувствовала, как внутри разливается тепло.

— Спасибо, — прошептала я.

И в этот вечер, среди смеха, разговоров и запаха жареного мяса, я впервые за долгое время позволила себе выдохнуть, не думая о смерти, работе и о других проблемах.

Глава 9.

Следующим утром я уже бежала по пляжу. Сегодня он был почти пустым.

Идеально. Чем меньше людей, тем меньше идиотов, решивших бегать зигзагами прямо перед тобой.

Солёный ветер трепал мой хвост, а глаза сами цеплялись за детали. Старые привычки вообще самые наглые. Вокруг было спокойно, но привычка искать угрозу никуда не делась. Вскоре мой взгляд зацепился за знакомый силуэт. Широкие плечи и легкая сутулость. В руках небольшая сумка и стаканчик кофе. Нет, ну это точно Раф.

— Раф! — выкрикнула я так громко, что он дёрнулся. Это было так смешно, что я не сдержала смехок. — Привет!

Он обернулся, и его лицо мгновенно изменилось. Отстранённость исчезла, уступив место тёплой, почти мальчишеской улыбке.

Раф замахал рукой, и я свернула с песка на деревянный настил пристани, подойдя к скамейке.

— Вау, какие красивые люди! — он подошёл и неожиданно по-дружески приобнял. — Бегаешь? Теперь понятно, откуда такая форма.

Я улыбнулась. Ну хоть кто-то решил сделать комплимент без обязательного продолжения в духе “а можно познакомиться”.

— Уже несколько лет. А ты что тут делаешь в такую рань?

Ветер раздражающе выдергивал из хвоста пару прядей, я пыталась заправить волосы за уши, но они всё равно разлетались.

— Да-а... так. Люблю сидеть на берегу в тишине, — ответил он спокойно.

Прекрасно, Ангелина. Пришла разрушить человеку единственный спокойный час за сутки. Будто прочитав мои мысли, он улыбнулся и отрицательно качал головой: — Ты можешь остаться.

Я усмехнулась и села рядом. Раф задумчиво перевёл взгляд на горизонт, задумавшись о чем-то своём, а я пыталась выровнять дыхание после пробежки.

— Я тебя точно не отвлекаю?..

— Нет-нет-нет. Просто... ох. Просто каждый день вокруг меня крутятся десятки людей, и каждому что-то от меня нужно. — он тихо выдохнул и машинально качал ногой. — Когда начинаю морально выгорать, прихожу сюда. — признался он.

Я кивнула, соглашаясь. Только вот я от одиночества не отдыхала, оно меня уничтожало.

— Я не люблю одиночество, — тоже призналась я. — Больше не люблю. Его должно быть в меру.

Раф задержал взгляд на мне, а потом снова вернул его к океану. Несколько минут мы молчали, смотрели вперед и думали о своём.

— Знаешь, приходи к нам на работу, — вдруг сказал он. — В нашем офисе, поверь, ты начнешь любить одиночество.

Я усмехнулась. Такое чувство, будто у них в офисе открылась вакансия “Ангелина”. Причем очень срочная.

— Надеюсь они тебя не подослали?

Раф забавно закатил глаза и отвернулся, чтобы попытаться сдержать смех.

— Нет, просто Диего разволновался после твоего выступления в кабинете.

Я хмыкнула, отведя глаза в сторону.

— Разволновался? Как по мне, он прикидывал в какой канаве меня закопать.

Раф всё же звонко рассмеялся и я улыбнулась.

— Поверь, если бы он об этом думал, то ты бы уже была закопана.

— Вау. Это успокаивает. — я театрально, медленно закивала головой. — Ладно. Скажи честно... На собеседовании я вообще ничего не поняла, в договоре тоже ничего конкретного. Чем вы вообще в Фениксе занимаетесь?

Улыбка с его лица постепенно исчезла.

— Ну-у мы официальная компания. Работаем по государственным контрактам. — пожал плечами он.

— В какой сфере?

— Закупки, логистика, государственные контракты. Если верить вывеске — мы вообще скучная компания.

Я вопросительно выгнула бровь, но Раф тут же успокоил:

— Если не веришь, то зайди на сайт. — его улыбка широко расплзлась по лицу. — Это, кстати, я его делал.

Это хорошая идея. Как я вообще самостоятельно не догадалась?..

— Почему тогда в моём договоре такая огромная зарплата? Не верю, что вы набираете людей с улицы, сажаете в офис и платите им баснословные деньги.

Он покачал головой.

— Если ты согласишься, то Диего предложит тебе место в подразделении безопасности. Там работа посерьёзнее. — он выдохнул. — Если честно... мы обратили на тебя внимание после того видео. Я показал запись Моретти. Он посмотрел её и решил, что стоит познакомиться.

Сердце неприятно кольнуло. Теперь всё складывалось в одну картину. Только одна деталь всё портила.

— Я бы согласилась... — выдохнула я. — Но после того видео против меня возбудили дело. Не думаю, что вам нужен человек, против которого идёт уголовное дело.

Я скользнула взглядом по лицу Рафа, не зная, какой реакции ждать. Он только нахмурился.

— Они подали на тебя в суд?

— Угу...

— Но это же самооборона была?

— Была. — я сказала спокойно, но голос прозвучал устало.

Раф ничего не ответил. Только снова посмотрел на океан, а я отвела взгляд вниз.

Ну вот и всё. Разговор о работе закончился, даже не успев начаться.

После той встречи мы начали чаще пересекаться. Сначала случайно. Я бегала, а он сидел на скамейке с термосом. Потом я заметила, что он всегда оказывался там, где я бывала по утрам. Мы покупали кофе в одной и той же лавке, ели мороженое на пирсе и смотрели, как чайки устраивают разборки из-за корки хлеба.

Потом на мой телефон пришло сообщение:

«Ты не против, если мы с тобой подружимся и будем изредка (почаще) гулять?»

«Откуда у тебя мой номер? Ты ведь любишь сидеть один?»

«Ты сильная. Если нападут чайки или маньяк — сможешь защитить меня :D»

«Это, конечно, оригинальный способ позвать девушку погулять».

«:D Да-да. Проверь почту. Там сюрприз.»

Я удивленно вскинула брови. Он прислал мне официальное приглашение погулять? Всплывшее письмо заставило меня проморгаться. Постановление суда.

Суд переквалифицировал обвинение из-за того, что признал необходимую оборону. Уголовное дело прекратили.

Я перечитала эти строчки ещё раз. Потом ещё. Охренеть. Как? Ответ появился почти сразу. Моретти.

Тут же пришло новое сообщение от Рафа, которое подтверждало мои догадки.

«Передаю от Моретти: Теперь у тебя нет причин отказываться.»

Я снова улыбнулась и это было странно. Значит, он действительно вмешался.

Казалось странным, что несколько предложений в письме способны отменить то, что последние несколько дней лежало на моих плечах грузом. Я должна была чувствовать облегчение, но вместо этого появилась раздраженность.

Потому что я знала, кому обязана этим.

Я усмехнулась. Всю жизнь я привыкла отвечать сама за себя. Ошиблась — отвечаю. Если принимала решения — несла за них последствия. А сейчас кто-то просто закрыл моё дело и вместо благодарности я чувствую злость.

Я снова открыла чат с Рафом и написала короткое слово:

«Спасибо :)»

Вечером мы вышли погулять с Сэмом по парку у озера. Золотистый ретривер носился кругами, будто внутри у него был спрятан вечный двигатель.

— Хочу покормить уток, — сказала я и подошла к автомату с кормом.

Раф фыркнул.

— Наши утки очень привередливые. Иногда проще съесть их, чем заставить поесть, — но всё равно достал мелочь и купил горсть зерна.

Я присела у самой кромки воды. Прямо передо мной мама-утка вела за собой утят, выстроившихся, как маленькие кораблики.

— Идите сюда... Ну, я же вкусненькое принесла, — прошептала я, будто уговаривала детей.

Раф сел рядом, кинул зерно чуть дальше. Утки синхронно надули грудь и сделали вид, что нас не существует, а потом так же синхронно развернулись и уплыли, видимо, получив секретный приказ игнорировать нас. Потрясающе. Меня только что отвергла утка.

Сэм не выдержал этого высокомерия и с радостью плюхнулся в воду.

— Сэм! — Раф вскрикнул, но улыбался всё шире.

Пёс выскочил обратно и от души отряхивался. Холодные брызги летели прямо на нас. Я хохотала, уже не сдерживаясь. Раф тоже смеялся, запрокинув голову.

— Я же тебя предупреждал, что они вредины, — он вытер капли с лица и посмотрел на меня. — Но зато с ними не скучно.

Я вытерла щеку рукавом, всё ещё улыбаясь.

— Да. С ними точно не скучно.

Телефон Рафа завибрировал. Он посмотрел на экран и улыбка на секунду исчезла.

— Всё хорошо? — спросила я.

Он слишком быстро убрал телефон.

— Да. Просто работа.

Глава 10.

На следующее утро меня вырвал из сна резкий звонок. Я взяла телефон, и он обжёг руку. На экране была София. Её голос летел в трубку сплошной, звенящей скороговоркой, и в первые секунды я не разбирала слов.

— Ангелина! Райан попал в аварию! Я уже в пути в больницу. Можешь заскочить в мастерскую, предупредить, что он на больничном? Телефон у него вдребезги, а номер он не помнит...

— Боже, с ним всё нормально? — я уже стояла, не помня, как слетела с кровати. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание.

— Да, врачи говорят, ничего критичного, но ногу сломал. Его на пару дней оставят в больнице. Я везу ему вещи. Чёрт! Как раз через три дня у него день рождения, — она выдохнула, будто только сейчас дала себе секунду передышки. — Ну, сможешь в мастерскую? Я скину адрес.

— Да, сейчас соберусь и пойду. Не переживай.

— Спасибо! Целую! — и она отключилась. Через минуту прилетел адрес.

Я натянула одежду, схватила ключи со стола и мельком посмотрела на конверт из суда. Диего остановил дело и у меня пропала необходимость бороться. Зато появилась новая проблема. Я была должна человеку, которому меньше всего хотела быть должна.

Ещё сильнее раздражало, что он даже не потребовал благодарности. Будто ему было достаточно самого факта, что теперь я знаю, на что он способен.

Через минуту я уже вылетела из квартиры. Улица встретила меня густым, жарким воздухом. Он лип к коже, как нагретая плёнка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.